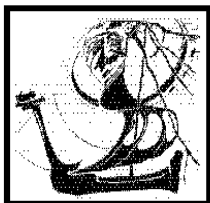

МикроЛІТЪ
г Гулькевичи
2014 г 10

МИКРОЛПЪ 10

**ТЕМА НОМЕРА:
КОНКУРС
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ**

Литературный журнал «Микроліт». №10. 2014

Главный редактор: Иван Кротов
Заместитель редактора: Александр Мартусенко
Заместитель редактора по связи
с общественностью: Павел Уваров
тел. в СПб: 8-965-761-73-44

Редколлегия: Анна Мамаенко
Андрей Насонов

Работа с интернет-ресурсами: Павел Уваров, Александр Гусев

Творческий совет: Иван Карасев
Нина Хрущ

Верстка: Иван Кротов

На первой странице работа И. Карасева “Искажение паруса”.

Обложка: Сергей Матушкин

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не вступает в переписку с читателями. Перепечатка материалов по согласию с редакцией.

Наш сайт: <http://microlit.intentia.su/index.html>

Адрес для писем: 352152, Краснодарский край, г. Гулькевичи, ул. Пионерская 96,
ТО «Ладомир». e-mail: wall55@mail.ru. Тел: (86160) 5-32-63

КРУГИ ПО ВОДЕ

АРТЕМ ФРАНИЧ

Ловись премия большая и маленькая

Оказалось, что конкурсные рассказы — это лишь малая видимая часть большого такого творческого айсберга.

*Надежда Мохова,
редактор издательства «Дикси Пресс»*

Литературный конкурс – это соревнование писателей или поэтов. Конкурс фантастического рассказа или просто конкурс фантастики посвящен произведениям заранее заданного объема в жанрах фантастики или фэнтези. Он может быть тематическим или либеральным, но всегда основным его элементом будет необузданная (провидческая) фантазия автора с одной стороны, и грамотный язык и читабельное (сюжетно адекватное) построение текста с другой.

Конкурс как начало литературной дороги

Прежде чем участвовать, нужно для себя уяснить, что любой конкурс – это лотерея, игра в угадайку. Не стоит рвать на себе волосы, если вы вдруг получили низкий балл по итогам – это, по меньшей мере, глупо. Конкурсов много, и правильнее всего относиться к нему, как к игре. Сегодня вы проиграли? Значит, получили удовольствие, извлекли для себя урок. Завтра вы – победитель.

Конкурс фантастики всегда является поводом поучаствовать и показать себя, как автора, как творца миров или художника ситуаций. Польза от конкурса (если кто-то вас спросит): в первую очередь возможность опубликовать свой рассказ (повесть и т.д.) в издании, как правило, в печатном журнале, или в альманахе, или сборнике рассказов, которые могут пойти по рукам и выйти на преданного читателя.

Конкурсы можно условно разделить на три группы:

престижные литературные награды: «Большая книга», «Букер», «Национальный бестселлер», жанровые премии, такие как «Страннику» и т.п.;

конкурсы, проводимые издательствами, такие как «Рукопись года»;

конкурсы, проводимые журналами;

сетевые конкурсы.

Престижные литературные награды

Они предназначены для авторов, которые уже издаются. Имеют солидный премиальный фонд или впечатляющие призы, которые можно на полку поставить, и привлекают большое внимание со стороны СМИ. Если автор попадает в лонг-лист подобной премии, о нем уже будут говорить, на него, как в случае с кандидатами на Нобелевку по литературе, будут делать ставки. Впрочем, даже солидная премия не означает, что автор будет успешен среди читателей.

Выдвинуться самостоятельно на престижную премию практически невозможно. Правом номинирования чаще всего владеют издатели, толстые солидные журналы или судейская коллегия. Поэтому, если номинируют, то произойдет это, скорее всего, без вашего участия. Исключением является премия «Дебют», куда можно и нужно номинироваться самостоятельно. Правда, ограничения «Дебюта» удручают – участвовать в ней могут только авторы от 25 до 35 лет.

Конкурсы, проводимые издательствами

Эти конкурсы предназначены для поиска новых авторов. Призы в них обычно символические, но плюс в таких конкурсах всё же есть – эти конкурсы по определению являются честными. Организатор конкурса и одновременно издатель нуждается в новых талантливых авторах. И один из немногих способов найти их – самому организовать конкурс. Каждому тексту уделяется пристальное внимание.

Текст определяет все. У издательства-организатора две задачи: раскрутка автора путем привлечения СМИ и привлечение читателей к обложке с надписью «Лауреат конкурса X». Посредственные тексты никто публиковать не станет, поскольку никто не будет ими добровольно зачитываться. Кроме того, это – один из немногих шансов издать неформатное произведение.

Конкурсы от журналов

Журнальные конкурсы отличаются тем, что с помощью них журналы ищут для себя новых интересных авторов. Главным призом в таком конкурсе является публикация в журнале и последующее распространение его среди читателей. При высоких тиражах произведение победителя будет прочитано тысячи раз. Это без учета количества скачанных электронных копий с торрент-треккеров или официального сайта журнала, что служит хорошим стимулом для участия в подобных конкурсах.

Журнал «Химия и Жизнь» – один из тех, кто сохранил традицию публиковать на своих страницах произведения читателей, в том числе и на конкурсной основе. Одна из рубрик, к сожалению, нынче закрытых – нанофантастика. Под этой рубрикой журнал печатал короткие, на страницу, фантастические рассказы от читателей. Заявленные темы: химия, IT, физика, life science, техника, медицина. И что интересно: «Нежелательна фэнтези, а также потоки сознания и абстрактные зарисовки». Призом была публикация на страницах журнала.

Журнал «Мир Фантастики». Журнал отличается большим количеством конкурсов различной тематики. Так, в 2011 году «Мир фантастики» вместе с «Креативом» провёл конкурс фантастических рассказов «Проект 100», приуроченный к выходу юбилейного, сотого номера журнала. Рассказ-победитель был опубликован в номере. Кроме этого на форуме «МФ» проводятся регулярные конкурсы среди читателей, чьи рассказы в случае победы публикуются в литературном приложении «МФ». Журнал публикует рассказы только опытных писателей-фантастов или рассказы авторов-победителей сетевых конкурсов. Рассказы, которые присылают простые читатели, в журнале не публикуются.

Любой конкурс собирает десятки и сотни работ авторов, желающих быть услышанными, узанными, прочитанными. Для жюри это огромная работа по прочтению и отбору текстов. В результате отбора лишь единицы удостоиваются публикации. Проблема кроется в том, что многие конкурсанты присылают свои работы, не вникая в правила, особенно в ту часть, где говорится о том, какую именно фантастику публикует издание, организовавшее конкурс – не соблюдают жанр и объем в знаках (редакторских листах). Ситуацию усугубило закрытие двух наиболее авторитетных журналов, публикующих фантастику на территории РФ: “Если” и “Полдень - XXI век”. Из-за этого авторы, участвовавшие в конкурсах от этих журналов, переключились на другие издания, загрузив их редакторов сверх всякой меры.

Начиная с № 11-12 (25) за 1994 год раз в полгода журнал «Если» проводил конкурс «Альтернативная реальность» – публиковался лучший присланный в редакцию рассказ от начинающего автора (как правило, во втором и восьмом номерах). Надо сказать, что условия конкурса от «Если» были более чем демократичны – нужно было соблюсти всего три:

- предъявить достойный литературный уровень;
- предложить оригинальную фантастическую идею или нетривиальную разработку классической темы;
- демонстрировать умение выстроить сюжет.

До 1998 года действовал предварительный отбор работ Московским клубом любителей фантастики. Редакция же выбирала из 3-4 финалистов победителя. Одним из победителей этого конкурса стал известный сегодня писатель-фантаст Михаил Тырин, дебютировавший с рассказом “Малые возможности” в № 7 (43) за 1996 год. Сегодня журнал закрыт, и читателям приходится искать иные возможности проверить себя на читабельность.

Западные литературные журналы тоже проводят конкурсы и учреждают премии. Один из американских журналов фантастики «Locus» учредил одноименную премию, лауреатами которой в разные годы стали такие писатели, как Нил Гейман (17 раз), Харлан Эллисон (18 раз), Айзек Азимов (7 раз), Урсула Ле Гуин (21 раз) и т.д.

Другой журнал, Asimov's Science Fiction, после того, как должность главного редактора занял Гарднер Дозуа, предоставил читателям право голосовать за лучшее произведение. Так появилась Читательская премия Азимова (англ. Asimov's Reader's Awards), которая присуждается ежегодно в следующих номинациях:

- Лучший рассказ;
- Лучшая короткая повесть (новелла);
- Лучшая повесть;
- Лучший роман.

С появлением официального сайта голосование начало проводиться с помощью интернета. Вручается премия ежегодно, либо в конце вручения премии Небьюла, либо на конвенте любителей фантастики Worldcon.

Сетевые конкурсы

Этот вид конкурсов появился благодаря сети Интернет и за несколько лет занял прочное место среди подобных мероприятий. Его можно считать экспериментальной площадкой для начинающего автора, который на деле сможет понять, как аудитория реагирует на его произведения, и поможет избежать типичных ошибок желающих публикации авторов. А самым главным, что нужно автору на таком конкурса – рецензии, отзывы и обзоры. Иногда среди участников и читателей портала находятся грамотные люди, способные дать профессиональную оценку, или те, кто владеют литературной теорией в достаточной мере. И в случае победы вы можете надеяться на то, что вам дадут развернутое мнение по поводу вашего произведения. Это весьма полезно, чтобы обратить внимание на недостатки и достоинства работы. Очень хорошая школа для начинающего автора.

Конечно, ни один редактор издательства не отнесется серьезно к тому, что текст занял первое место на конкурсе «Аффтар жжот» от портала «Литературный гений», а призом, скорее всего, будет картинка с надписью «Победитель конкурса «Аффтар жжот», символическая сумма в 500 рублей, фоторамка и т.д.

Побеждают в таких конкурсах рассказы-«среднячки», которые понятны большинству завсегдаеяв портала, удовлетворяющие вкусам как мужской, так и женской аудитории. У давно существующих конкурсов есть своё сложившееся представление о том, каким должен быть хороший рассказ, поэтому иногда можно попросту не попасть под этот критерий. Другими словами, судьи конкурса – это целевая аудитория, вкусам которой нужно еще соответствовать.

Наконец, в таком конкурсе вы можете побыть и судьей. Во-первых, вы сможете почувствовать себя в роли редактора, а значит, понять, что им нужно. Во-вторых, вы легко заметите те камни преткновения для авторов, которые бы не смогли бы узреть иначе. И в третьих, сможете избежать огромного количества штампов в будущем, поскольку познакомитесь с ними в огромных количествах за один сеанс вычитки.

Оптимистичный эпилог

С развитием сети литературные конкурсы становятся всё доступнее для огромной армии авторов, желающих признания и славы. Сегодня писатели могут участвовать не только в конкурсах своей страны, но и получать премии любого государства, в том числе и международные – лишь бы автор знал язык (чаще всего английский). И количество различных конкурсов зашкаливает. Они посвящены произведениям всех размеров и жанров – всему, чему душа пожелает. Осталось только выбрать и поучаствовать!

КОНКУРС ИМЕНИ АЛЕКСЕЯ ПЕРЕДЕРЕЕВА

С 15 по 25 января 2014 года альманахом Астра Нова совместно с журналами Микрoлитъ, Вокзал и Аса был проведён конкурс фантастической миниатюры имени Алексея Передереева. Всего на конкурс пришло 380 рассказов, из которых 58 были отклонены из-за несоответствия условиям конкурса. Ввиду большого количества участников, было решено провести конкурс в два тура.

Из 322 рассказов первого тура во второй было отобрано 117 работ. В начале февраля жюри определило финалистов конкурса – 26 рассказов, набравших наибольшее количество баллов. Эти рассказы и публикуются в нашем журнале.

Победителем конкурса стал рассказ: «Тулуна и её чувство ветра», Сергея Игнатъева.

Второе место поделили рассказы: «Маленький зелёный слоник» Натальи Алфёровой; «Не подскажите, который час?» Геннадия Ядрихинского; «Секрет старой башни» Андрея Панченко; «Тролль когда-то укусил» Надеи Ясминской.

Третье место: «Предки бы нами гордились» Александра Михлика.

Немного статистики: самый длинный из присланных текстов – 120 тысяч знаков; самый короткий – 50. Авторы конкурса живут в Бельгии, Израиле, Украине, Белоруссии. В России – от Калининграда до Улан-Удэ.

Передереев Алексей Анатольевич (6 июня 1968 - 4 марта 2012) – российский писатель-фантаст, лидер движения молодых инвалидов России, редактор первой российской литературной газеты для детей «Лимпопо», член Региональной общественной организации Федерация космонавтики Кубани. С 2009 года возглавлял двуязычный журнал «Аса» (Знание), посвященный изучению искусственного языка на полисинтетической основе Арахау.

С января 2011 года возглавлял журнал хоррора и мистики «Сумрачный гений», первый номер которого вышел в Краснодаре 11 февраля 2011 года.

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

Тулуна и ее чувство ветра

Тулуна вырезала его из льда. Расставила сети. Ждёт своего капитана.

Что так стучит? Собственное ли сердце пропускает удар? Или духи Келе человеческой костью по бубну выправляют ритм обряда? Или расшаталась подлая заклепка в стальном брюхе корабля, который несёт её Капитана сквозь мутно-зеленую толщу вод?

Океан давит. Сталь поддается и дребезжит. Мерный писк эхолота тонет, теряется в глубине.

У капитана черная шапка со звездой и блестящие пуговицы. Духи его земли вручили ему злую силу – копыя-молнии, разящие врагов. Капитан игрок и храбрец – как и все они... Тулуна не ошиблась в выборе.

Весёлым скрипом наста под полозьями, хрустом под подошвами унтов, слаженным дыханием и шорохом лап бегущих хаски встречает капитана его новый дом.

Он нем – рот полон талого снега и морской соли. Он не чувствует обмороженного лица. Не чувствует себя. Видит белые черты берёз и золото колосьев, слышит песни своей земли – переливы хора, густой бас, трели балалаек... Краюха чёрствого сердца, по газетным строчкам расплывается ржавая слеза кильки в томате, двести восемьдесят миллионов жизней, нуждающихся в его защите – там, за туманом ...

Тулуна уводит капитана из зелени океанского безразличия в предвечную тишь белой пустыни. За зеркальную кромку льда.

В бликах огня по войлочным стенам чума, в жаре пропахших псиной шкур, играя с ним, как кошка с мышью, дразня ласковыми губами, Тулуна нарекает его: Паналык, «имеющий копьё».

Капитан смотрит в маслянистую черноту ее раскосых глаз, пьет из протянутой плошки. Вареву ударяет в голову сильнее, чем спирт в стакане, в гранях которого преломлялись латунные звёздочки – когда-то, тысячу лет назад.

Она гладит его по колкой рыжей щетине, пока он не засыпает. Выходит из чума и смотрит на шеренгу ледяных статуй в круговерти снежной крупы.

Ветер подхватывает, повторяя многократно: «Паналык».

Тулуна сообщает ему своего нового возлюбленного.

Она шепчет имена, глядя на ледяные статуи, уходящие к горизонту. Вспоминает в сех своих капитанов.

ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА

НАТАЛЬЯ АЛФЁРОВА

Маленький зелёный слоник

«Когда мы с мужем пришли из гостей, он решил устроить сцену ревности. А я не давала ни малейшего повода. То, что наговаривают на меня соседки – это грязные инсинуации. Ну, враньё, проще говоря. Муж долго кричал, бегал по комнате, размахивал руками. Я ушла на кухню. Муж пошёл за мной, продолжая кричать. Наверное, этим и разозлил маленького зелёного слоника. Слоник поставил мужу подножку и тот упал, напоровшись на табуретку, которую я держала в руках. И так три раза, что и привело к перелому руки мужа в трёх местах».

– Это что такое? – закричал лейтенант Новиков, потрясая листом бумаги изъятым у подозреваемой.

– Ну, вы же сами просили рассказать всё, как было, — молодая женщина уставилась на следователя большими невероятно правдивыми глазами.

– Всё, я больше так не могу! – воскликнул Новиков и распорядился: – Дежурный, уведите.

Сам же отправился к другу из экспертного показать, с какими чудиками приходится работать.

Когда лейтенант вернулся в свой кабинет, то от увиденного превратился в соляной столб. На столе сидел маленький зелёный слоник и доедал сводку происшествий за последний квартал, ту самую, которую Новиков должен был сегодня предоставить начальству. Причём, экзотическое животное не забывало тыкать хоботом в клавиатуру компьютера, стирая данные и там.

– Это что? – полковник, читающий объяснительную Новикова побагровел. – Шуточки шутить изволишь? Ну, будет тебе новое звание – рядовой! Вон!!!

Новиков вылетел, как ошпаренный. Полковник вытер платком вспотевшую лысину. Нет, ну каков наглец этот мальчишка-следователь! Так над начальством издеваться. Полковник оглядел кабинет и замер: на сейфе сидел маленький зелёный слоник и заканчивал хоботом набирать код. Затем открыл дверку и засунул в сейф непонятно откуда взявшиеся пачки денежных купюр. Не успел полковник ничего предпринять, как в кабинет ворвались сотрудники отдела по борьбе с коррупцией.

Ведущая телепрограммы «Новости», еле сдерживая смех, вещала о версии коррумпированного полковника о том, как в сейф попали деньги. За спиной у ведущей прошёл маленький зелёный слоник, что было воспринято зрителями как оригинальный пиар ход программы.

Маленький зелёный слоник – пришелец с одной из планет созвездия Большого Слона вернулся к землянину с которым установил контакт – семикласснику Петрову Владу, согласившемуся объяснить обычаи и культуру аборигенов. Сегодня удачно прошли пробные практические занятия по обычаю «сделать подянку». Объекты были выбраны непонятным инопланетянину методом. Владик назвал его «методом научного тыка» или «на кого бог пошлёт». На завтра планировались практические занятия по тому же обычаю, но в более крупном масштабе: в школе, где обучался землянин.

Владик положил перед слоником фотографии и сказал:

– Значит так, запоминай: начинаешь с директора...

Маленький зелёный слоник внимательно слушал, покачивая хоботом в такт словам.

ГЕННАДИЙ ЯДРИХИНСКИЙ

Не подскажите, который час?

– Ну, зачем?! Зачем ты спросил у меня именно это? Ведь ты мог спросить, что угодно. Есть ли Бог? Как излечить СПИД? В конце концов, ты мог спросить выигрышную комбинацию какой-нибудь лотереи? Но тебе нужно было узнать время! Время! Тьфу!

Он был чокнутый. Это стало ясно сразу. Я встал и пересел на другое место. Благо в общем вагоне нас было лишь двое. Но мужичок был настёрный.

– Нет уж! Теперь постой! – со странным злорадством процедил он сквозь зубы.

Он последовал за мной, сел напротив. Уже не имело смысла шуршать фантиком вежливости и я сказал, что думал:

– Мужик, чего тебе надо?

В выражении его лица ничего не изменилось. Он по-прежнему смахивал

на сумасшедшего.

– Ты спросил, и я не имею права не ответить, – сказал он. – Сейчас четверть седьмого.

– Спасибо, только что-то ты напутал. Поезд выехал в половину седьмого, – ответил я.

– Да, но десять минут назад мы пересекли часовой пояс. Поэтому, сейчас снова седьмой час. И я просто не могу что-то напутать. Потому что знаю ответы на все вопросы.

– Если ты знаешь всё, почему на тебе потёртые кроссовки, а не туфли от Гучи?

– Сынок, я не сказал, что знаю всё. Я лишь знаю ответы на все вопросы. Сейчас я узнал сколько время. Вчера, как пройти к площади Победы. Разве мне это надо?

Похмелиться ему надо.

– Хоть бы один спросил: «Ты не знаешь, как тебе разбогатеть?» или «Когда ты, наконец, сдохнешь?». Но все спрашивают только про себя. Или всякую ерунду, как ты.

– Хорошо, всезнайка. Ответь тогда, какой номер билета выиграет в лотерею «Счастливчик» на этой неделе.

Он иронично усмехнулся:

– Слишком поздно. Ты уже задал свой вопрос. И больше я тебе ничего сказать не могу. Только один вопрос. Этот ограничитель мне не переступить.

– Как жаль, – с сарказмом протянул я.

– Тебе смешно. Не веришь. А я тебе не буду ничего доказывать. Я могу ответить на любой вопрос каждого, но только не на свой. И это мой крест. Ненужное, бесполезное знание.

– Так попроси кого-нибудь спросить тебя о том, что тебе надо.

– Бесполезно. Вопрос из чужих уст, он всё равно остаётся моим.

В вагон ввалился парень в косухе на голое тело. Неожиданно он подскочил ко мне и прижал к шее ножик.

– Деньги гони!

«Просто дебилный какой-то день», – подумал я. Чокнутый мужик напротив меня и вовсе рассмеялся.

– Тебе смешно, придурок! – крикнул грабитель и перескочил к нему. – Я кажусь тебе смешным?!

– Твою мать... да.

Остриё ножа полоснуло по шее старика. И человек, который знал ответы на все вопросы, умер.

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

Секрет старой башни

Входные двери распахнулись, и в прихожую влетел Женька.

– Мама, – прокричал он, снимая на ходу сандалии, – я такой голодный, что и слона бы съел!

– Проходи-проходи, «слоноед», я тебе каши положила, – ответила мама с кухни.

– С апельсиновым сиропом?

– Конечно. Разве заставишь тебя кашу без сиропа есть?

Женька плюхнулся на табуретку.

– Чем ты сегодня занимался? – спросила мама.

– Играли с ребятами в догонялки у старой немецкой башни, – ответил Женька с набитым ртом, звонко стуча ложкой по тарелке.

– Сколько раз я тебе говорила, не ходи ты к этой башне. Свалишься откуда-нибудь, голову разобьешь.

– Да ладно тебе, мам, – отмахнулся сын, – я уже большой.

– Ишь ты – большой! – усмехнулась мама. – Ешь, давай, да иди, ложись спать. Завтра утром вы с папой собирались на рыбалку, если ты не забыл.

Женька театрально хлопнул себя ладонью по лбу.

– Вот, я старый склеротик! – воскликнул он, сунул в рот последнюю ложку каши, выпил компот и встал из-за стола. – Спокойной ночи, мам.

– Спокойной ночи, сынок.

Женька развернулся и потопал к себе в комнату. И тут мама обратила внимание на истрепанный пожелтевший клочок бумаги, торчащий из заднего кармана его джинсовых шорт.

– Что это у тебя?

– А, нашёл в щели между кирпичами в стене башни. Наверно, мальчишки с соседнего двора играли и оставили послание. Держи, – он протянул бумажку маме, – почитай, а я пойду спать.

Мама развернула листок, исписанный прыгающим почерком.

«Какой сегодня день, не знаю. Да и, спросите вы меня, какой год, тоже не отвечу.

Наверно, я сошел с ума. С тех пор, как я вошел в эту злосчастную башню, я не могу вернуться домой. Да что там – домой? Каждый раз, когда я выхожу наружу, то попадаю в какой-то странный мир.

Взять, к примеру, вчерашний день. Я вышел и обомлел.

Все пространство передо мной было покрыто густой растительностью, причем такой, которую я видел только в учебнике

по ботанике, а в воздухе стрекотали гигантские насекомые.

Неделей раньше, меня взяли в плен немцы, но я сбежал. Мое счастье длилось не долго, они поймали меня раньше, чем я смог добраться до башни, и снова посадили за колючую проволоку, где уже сидел я... Второй я! Понимаете? Я вместе с собой придумал план и сбежал в очередной раз.

Сейчас я сижу на вершине пирамиды и пишу это послание. Помогите мне отсюда выбраться, прошу вас!

С уважением, Артём Вавилов».

«Ох, уж, эти мальчишки», – подумала мама, сложила письмо и положила его в карман халата.

Хлопнула входная дверь, мама вздрогнула от неожиданности, а из прихожей послышался голос Женьки:

– Мам, я такой голодный, что и слона бы съел!

– Как? Ты же только что кушал, – удивилась она.

– Что-то не припомню.

– Ладно, проходи, положу тебе еще каши.

Удивление бы пропало, если бы она не увидела клочок бумаги, торчащий из кармана Женьки, вошедшего в кухню.

– Садись, ешь, – сказала мама, а сама, на негнущихся от волнения ногах, прошла к его комнате, приоткрыла дверь и прислушалась.

Сын сладко посапывал во сне, закутавшись в одеяло. В то же время с кухни доносился звонкий стук ложки.

НАДЕЯ ЯСМИНСКА

Тролль когда-то укусил

Югр медленно брел по дороге, надвинув старую шляпу на самые глаза. Лужи, попадавшиеся на пути, внимательно обходил – берег сапоги. Он почти вышел из деревни, когда к нему привязался мальчишка.

– Дяденька мельник, а куда вы идете?

– В Лес, – немного помолчав, ответил Югр.

Глаза мальчика изумленно распахнулись.

– Что же — в сам Лес? И не бойтесь? Там, говорят... А зачем вам туда надо, дров принести? – Все еще круглые глазенки шарили по его спине, пытаясь отыскать топор. Топора не оказалось, но паренек все равно добавил: – Дрова у моего отца купить можно.

14 Во не обиделся. Он задумчиво смотрел на вершину холма.

– Я просто хочу побродить.

Будь у Югра вместо шляпы сверкающая корона, она не вызвала бы такого восхищения, как эти слова. Подумать только, идти в Миралингес, Древний Лес – «просто побродить»! Мальчишка засеменил рядом, стараясь попадать в шаг. Он долго решался и, наконец, выпалил:

– А мне с вами можно?

– Ялмар! – раздался резкий выкрик из соседнего дома. Старая пряха продавила свое тело сквозь узкую дверь и спустилась во двор. Деревянные ступеньки жалобно хныкали под ее ногами. – Не приставай к человеку! Иди сюда!

Паренек с явным сожалением шагнул назад – ведь мыслями он был уже в Лесу. Но послушаться не посмел и потому побежал к бабке, сверкая голыми пятками. А Югр прошел до самого поля, сел на пожелтевшую кучу вершков редьки и закурил. Ему нравилось вот так курить трубку и слегка раскачиваться. До него доносился скрипучий голос пряхи. Она-то думала, что ее не слышно, но чуткий слух Югра ловил каждое слово.

– Не лезь к мельнику, Ялмар, слышь? У него не все дома. Ходит в свой Лес – ну и пусть! Допрыгался однажды. Ты его кожу видел? Троль как-то укусил, года три тому. Вот бедолагу и разнесло. Подцепил, видать, трольскую болячку...

Югр задумчиво выбил трубку о камень.

– Хотя, что ни делается, то к лучшему, – продолжила старуха, обращаясь скорее к себе, чем к внуку. – После того случая он стал другим человеком. Перестал жену поколачивать, с ребятишками начал возиться. Присмирел, так к его виду и привыкать стали... Эй, поганец, что ж ты морковку под моим носом дергаешь? Немедленно в дом, и только высунься!

Ялмар, схваченный за ухо, издал протестующий вопль. Снова простонали ступеньки, хлопнула дверь, и деревня погрузилась в мерные звуки косьбы и куриного квохтанья.

Посидев еще чуть-чуть, Югр стряхнул пепел со штанов, поднялся и направился в сторону Леса.

Нет, не три, а четыре года назад – он прекрасно помнил тот день. Когда верзила-крестьянин полез на него с рогатиной, так, от скуки и нехватки ума. Мясо того человека было жестким, а вот одежда пришлась в самый раз. Особенно сапоги – толстые, добротные. Тогда Югр подумал, что устал от одиночества. Он вернулся из леса больным мельником по имени Эрвим, освоил работу и быт. И никто не догадывался – кроме, пожалуй, жены. Она все поняла, но ни разу не обмолвилась об этом.

Только Лес не отпускал. Шептал на ухо, манил. А Югр покорно навещал

его, словно старого родителя. И сейчас тролль снова шел к нему – просто так, «побродить» – оставляя на дороге глубокие следы.

АЛЕКСАНДР МИХЛИК

Предки бы нами гордились

Его выволокли из капсулы и переложили на носилки. Усталый, как всегда бывает после перехода во времени. Его поздравляли с благополучным возвращением, подходили потрепать по плечу, подбодрить, прикоснуться. Он улыбался, смущённо и счастливо. И немного обескураженно.

Чуть позже, когда стимуляторы и интенсивная терапия сделали своё дело, он понёс доклад начальнику отдела, заскочив по дороге лишь к кофейному автомату.

– А, Панкрат! С возвращением, мальчик мой! Как прошло?

– Всё изложено в докладе, Мастер.

– Давай без этой суконной манеры, дружок. Успешно?

– Успешно... – Панкрат удручённо вздохнул.

– Что не так? Давай начистоту.

– Мастер, я и сам не знаю. Что-то здесь не так. Не могу понять, что он имел в виду.

Мастер-психолог Захар Шейди взял ученика за подбородок и заглянул в глаза, лукаво и проницательно.

– Ну не знаешь, и не знаешь. Не тревожься об этом, разберёшься позже. Иди отдыхать. Никон справлялся о тебе. За доклад спасибо, ознакомлюсь вечером.

– Спасибо, Мастер.

Лицо Панкрата потеплело при упоминании давнего друга, но он по-прежнему выглядел растерянным, выходя из кабинета учителя.

За ужином в ресторане, куда его по случаю возвращения повёл Никон, он всё так же выглядел обескураженным: отвечал невпопад, избегал смотреть в глаза. И конечно, это не укрылось от внимания лучшего друга.

– Дружок, ты словно не здесь. Что у тебя там произошло?

– Не знаю, как объяснить.

– Говори, как есть. Разберёмся!

Панкрат отпил вина и взглянул на друга. Красивый. Страстно влюблённый в культуру века, с которым связал свою карьеру и научную деятельность, он воплощал её стиль, как видел его сам. Чёрная футболка на узких плечах, облегающие джинсы с двумя ремнями:

поясной и декоративный, с увесистыми заклёпками. Чёлка прямых чёрных волос, скрывающая половину лица. К ножке прислонилась сумка через плечо, украшенная разноцветными значками.

– В общем, дело было так: я отыскал этого мужика... учёного. Передал пакет с документами – ну там, формулы, выкладки. Объяснил, как разобраться... скажи, я слишком робо?

– Что?

Удивлённый неожиданным вопросом Никон поперхнулся бифштексом.

– Ну, ты ведь в курсе, после той миссии с яйцами динозавров я потерял левую руку, у меня бионический протез. Скажи, это сильно заметно? Бросается в глаза?

– Нет, что ты! Но почему ты спрашиваешь?

– Видишь ли, этому учёному я передал теоретические выкладки по путешествиям во времени. Он живёт этим, грезит переходами во времени. Раскусил меня почти сразу.

– Ого!

– Дослушай. Когда я уходил, он спросил меня. Сказал, что всё, мол, понимает, одного не может взять в толк.

Панкрат подошёл к самой сути своего рассказа, Никон чувствовал это. Чтобы успокоить друга он пересел поближе, погладил по волосам и ласково поцеловал в висок.

– Так что его интересовало?

– Точно не робо?

– Точно! Рассказывай! – Никон приобнял Панкрата, облокотив его голову на своё плечо.

– Он спросил, почему не прислали кого-то, больше похожего на натурала.

ЛЮДМИЛА ГАЙДУКОВА

Волчья нить

Тянется, тянется свет луны сквозь щелястый ставень, словно нить, скрученная ловкими пальцами Тиссы, словно долгий, печальный вой Ярайды. Блики на полу пропитались запахом свежеструганных досок. Вот здесь, в углу, на сосновом табурете днём лежит волчья шкура...

«Познакомь меня с ней!» – молила Мариза. Плакала. Золото сушила. И верно, ожерелье дорогое, серьги, кольца, браслеты – всё теперь лежит в деревянной миске Тиссы, той самой, куда ведунья бросает обрезки ниток, и клочки волчьей шерсти.

Длинна ночь. Тяжек лунный свет: давит на грудь, словно лапа лесного

зверя. И на лавке спать жёстко. Но нет сомнения в сердце, объятom одной жгучей страстью. Тайным трепетом откликается вой за окном. Ярайда... Женщина-оборотень. Что она? Как живёт? О чём думает? Мариза грезила ею в княжеских палатах, убранных заморскими шелками. По ночам во двор выходила, да гриди* за ворота не пускали: дескать, пусть княжья дочка тешится в бережёном месте! А за околицей пусто да страшно, а то ещё сама Ярайда припожалует, либо Тисса со своим веретеном. Где тут живому быть?!

Ведунья хаживала на княжий двор, когда звали. Молода лицом, как девка, с длинною косою, перевитой шерстяною ниткой с бубенцами. Знамо, чья шерсть: волчья! В руках – веретено. До кого коснётся – смерть! Кто ж не знает? А ежели рукой погладит хворого, тот вмиг позабудет свой недуг. За тем и зовут... Платят щедро. Но не берёт Тисса золота: бросит оземь, рассмеётся, заплашет. «На что мне оно? Бубенцов мне дай да ниток!» – и лукошко подставит берестяное.

Дрожь по телу. Свет луны тонок. Вой тягуч и печален. Боязно княжьей дочке, сердце шемит от сладкой близости тайны. Вот откроется низенькая дверь, неслышно на мягких лапах войдёт волчица, блестя глазами, обернётся женщиной... Что спросит у неё Мариза?

– Скоро ли?

Усмехается ведунья:

– Может, ждѣшь не того?

И вѣтятся, вѣтятся нить под её рукою. Пальцы тонки, ловки, красивы. Губы надменны. Глаза жгут в темноте раскалёнными углями. А при свете дня в княжеских палатах – девкою весёлой! Оттого Мариза и решилась просить её: думалось, проста, приветлива, покладиста, в помощи никому не отказывает. Значит и ей... Не отказала. Привела к себе в избу, в самую гущу векового бора, где ни троп, ни дорог. На столе в туеске брусника, в кринке молоко. Дурманит запах трав, жужжит веретено...

Вот отворилась низенькая дверь. Шорох леса да карий взгляд с упрѣком. А за ним – рассвет. Но не увидит его Мариза: ждущий оборотня в ночи – в ночи остаётся! Не вырваться деве из сетей луны, покуда страх жив в её сердце!

Плащ меховой – не шкура. От волчицы лишь мудрость да неслышный шаг. А зачем в лесу живёт, так нет до того никому дела! Всяк сам судьбу свою выбирает.

Только вѣтятся, вѣтятся нить через рассвет. Жужжит веретено...

* Гриди “ в Древней Руси княжеские дружинники, телохранители князя (9 -12 вв.)

ЕЛЕНА ЩЕТИНИНА

Борисевич и домоуправление

– Не могу понять, где эти чёртовы электрики? – Борисевич выглянул в окно, где туман, смешавшись с вечерними сумерками, покрыл улицу плотной пеленой. – Уже неделя, как лампочка в фонаре перегорела, а они и не чешутся.

– Ну а что тебе? – зевнул Андрюха. – До магазина-то идти пару минут. Страшно?

– Да нет, – пожал плечами Борисевич. – Просто не могу понять, за что наш ЖЭК зарплату получает. Неделю по вечерам как в черничном киселе сижу. Невесело.

– Весело? – рассмеялся я. – Борисевич, приходи ко мне переночевать. Мне фонарь всю ночь аккуратно в кровать пялится, никакие шторы не помогают. Я тебя как дорогого гостя в эту кровать уложу, а? то-то повеселишься.

– Нет, – Борисевич снова недовольно уставился в окно. – Нет, я всё-таки напишу завтра кляузу в домоуправление. Слышите? – он высунулся в форточку. – Завтра жалобу накатаю!

«Катаю-таю-таю...» – разнесло эхо.

– Чего орёшь? – Андрюха подавился крекером.

– У меня начальница ЖЭКа в соседнем подъезде живёт, – пояснил Борисевич. – Я таким последние китайские предупреждения делаю.

– И что, помогают?

– До сих пор – да. И отопление давали, и воду холодную включали, и даже в подъезде убирали.

– Совпадение, – пожал я плечами.

– Может быть... – неуверенно ответил Борисевич. – Завтра и проверим.

Он накинул куртку, собрал с нас по сотне, бесцельно побродил по квартире и снова, как бы случайно, выглянул в окно.

– Ага! – его крик разбудил кота, заставил Андрея судорожно икнуть, а я уронил на пол пульт от телевизора.

– Ага! – Борисевич горделиво потрясал кулаком. – всё-таки испугались. Починили!

Мы выглянули в окно. Действительно, во дворе, сквозь туман и темень, тускло светил одинокий огонёк.

– Поздравляю! – я хлопнул Борисевича по плечу. – Ты настоящий мужик. А теперь по этому освещённому проспекту дуй в магазин.

Борисевич хмыкнул и ушёл.

– Слышь, – Андрей стоял в дверях. – Борюсик деньги на тумбочке забыл. Сбегай-ка, а то облажается на кассе.

Я вышел на улицу, зябко поёжился и начал застёгивать куртку.

И замер.

Потому что увидел ноги Борисевича.

То, что это были именно его ноги, я понял по красным китайским кроссовкам «Adidas» и домашним штанам в зелёную клеточку – убийственное сочетание, в котором Борисевич по вечерам выгуливал таксу жены и бегал в магазин за пивом. Кроме ног больше ничего не было видно.

Потому весь остальной Борисевич был скрыт в пасти огромного склизкого существа, похожего на фиолетового слизня-переростка. А перед пастью этого слизня висела лампочка. Существо фыркнуло, заглотнуло ноги Борисевича и икнуло.

– Клязу он накаатает... – просипело оно.

Потом кокетливым жестом откинуло лампочку набок.

– А ты клязу будешь катать? – обратилось оно ко мне.

– Эээ... неет... – прохрипел я.

– Правильно, – кивнуло существо. – Верный ответ. Когда понадобится, сами включим.

Лампочка моргнула и погасла. Существо повернулось ко мне спиной и растворилось в тумане.

Вот сижу теперь в подъезде и думаю – что я Андрюхе скажу? И что мы скажем жене Борисевича? А то вдруг она тоже в домоуправление жаловалась?

ЛЕРА ЛОГИЧЕВА

Два разума

Вывеска проржавела, но ещё можно было различить на ней «Добро пожаловать за покупками». Солнечный свет, проникая сквозь дыры на крыше, покрывал внутренности магазина яркими пятнами. Здесь, среди мусора и металлолома, стоял человек. Он чуть сутулился, худые руки выглядывали из широких рукавов комбинезона. Человек смотрел вниз: под его бёрцами блестел металл. Он опустил на корточки, приподнял край наползшей на глаза шапки и присвистнул.

– Что тут за гравировочка? Уборщик что ли? А ну-ка...

Он ухватился за находку и, раздувая заросшие щёки, попытался поднять её на поверхность, но она слишком плотно засела в мусоре. Тогда он стал

разгребать завал: в сторону полетели пустые жестянки, куски стеллажей и бетона. Первым из полувекового плена показался металлический корпус, следом – пара манипуляторов с механическими пальцами, последним – широкое колесо для передвижения. Человек сочувственно оглядел махину и, поднатужившись, перевернул её на бок. Его пальцы стали ловко шарить по обшивке.

– Карман-то где? Здесь ведь должен быть... Ага!

Раздался щелчок, и сбоку корпуса откинулась крышка. Облизывая пересохшие губы, человек запустил внутрь руку. Прошло немного времени, прежде чем он отдёрнул её и, издав отчаянное «н-на!», пнул корпус со всей силы. Внутри робота-уборщика было пусто – также пусто, как в желудке человека. Он отвернулся, сжимая кулаки. Такие машины когда-то не просто собирали мусор, они снимали с прилавков просроченные и потерявшие товарный вид продукты, поэтому внутри них часто можно было найти что-то съедобное вроде галет или консервов. Только не в этот раз.

Тихий скрежет заставил человека обернуться. Он увидел, как робот пытается встать, опираясь на манипуляторы. «Что за... – мелькнуло в голове. – От моего удара заработал, что ли?» поднявшись на колесо, робот, согласно заложенной программе, принялся хватать мусор вокруг себя, сминать и аккуратно складывать в сторону. Остатки солнечной панели на верхней части корпуса засияли в лучах.

– Бесплезное занятие, – человек махнул рукой. – Эй, слышишь? Остановись.

Робот замер на миг и снова принялся за работу.

– Я получаю команды только от управляющего, – проскрежетал он.

– От управляющего? – тихий смехок. – Ну, как хочешь. Кроме тебя в магазине ещё были роботы?

– Нет, товарищ.

Человек сплюнул. «Даже если он всё здесь перероет, – думалось ему, – то еды не найдёт: накануне войны люди сметали с полок всё подчистую».

– Ты хоть понимаешь, что здесь произошло? – спросил он. – Это не магазин развалился. Это весь мир развалился.

– Не имеет значения, товарищ, – прозвучал металлический ответ. – Я должен всё восстановить.

«Забавно, – думал человек, пробираясь к выходу. – Робот, который хочет вернуть людям их мир, когда всем давно плевать. Я мог бы разобрать его на запчасти: аккумулятор и батареягодились бы, но...».

Уже подходя к проёму, он вдруг обернулся и крикнул роботу: «Эй!». Потом замялся, бросил торопливо: «Удачи», и, пригнув голову, шагнул наружу.

РОМАН ДЕМИДОВ

Любовь и рельсы

«Да что такое эта ваша любовь?», говорите вы. «Что она может?». И делаете такое лицо, что сразу ясно: вы-то знаете, какие силы правят этим миром.

Ничего вы не знаете.

Давайте я объясню.

Представьте себе: где-то впереди по ходу движения нашего поезда лежат два параллельных рельса. Обычные куски металла, ничего особенного в них нет.

Теперь представьте себе, что пролетавший мимо бог любви решил пошалить и коснулся их своими серебристыми крыльями. И в этих самых кусках металла, которые до этого момента вообще ничего и никогда не чувствовали, внезапно разгорается бешеная страсть друг к другу. Только – вот беда-то – быть вместе им не суждено. Они же рельсы. Они параллельны и не могут пересечься. Это закон.

Вы, думаю, и представить себе не можете, какая это мука – не иметь возможности прикоснуться к тому, кого обожаешь, особенно когда он находится так близко. Проводить целую вечность рядом, но не вместе. Жить в плену чужих законов и путевых шурупов.

К счастью, там, где в дело вступает любовь, никакие законы уже не действуют.

И вот раздаётся скрежет. Это рельсы избавляются от крепежей, отрываются от шпал – и устремляются навстречу друг другу. Они переплетаются, запутываются в узел, становятся неразделимы.

Навсегда.

Вот оно – могущество любви!

Нелепица, говорите? Смешно?

Что ж, может и так. Не буду больше отвлекать вас своими глупыми разговорами. Исчезаю.

Но, пока в тесном пространстве купе кружатся последние пылинки, потревоженные моими серебристыми крыльями, подумайте, над чем вы смеётесь. У вас есть ещё время, чтобы понять.

Любовь делает неживое живым. Любовь сметает любые преграды на своём пути.

А сколько поездов пойдёт при этом под откос – ей совершенно наплевать.

Аборигены миражей

Старый Новый Колян встречал в одиночестве. Он один из компании выдержал многосуточный марафон от Нового до Старого, и теперь сидел на ковре посреди комнаты с бутылкой английского первача и двумя стаканами. Второй – на всякий случай. Силы уже были, конечно, на исходе. Чтобы не проспять на работу, завел будильник, выбрав сигналом мощную полицейскую сирену. Едва пробило полночь, поздравил себя и хряпнул стакан. В глазах потемнело, а когда туман растаял, перед ним на ковре сидел здоровенный зеленый мужик с рогами на голове и курительным прибором в руках. «Ну вот, допился до чертиков», – грустно подумал Колян, машинально наливая незваному гостю.

– Не, мне нельзя, – возразил тот. – Моя вера не разрешает. И так уже вон обкурился до человечков.

– Постой, причем здесь вера? Разве ты не черт?

– Сам ты шайтан, – обиделся гость. – Мы, джинны – правоверные. И ты, и я существуем каждый в своем мире. Но наши миры невидимы друг для друга. Только когда начинает ехать крыша, можно увидеть бледных человечков.

– Или зеленых чертиков, когда допьешься, – повеселел Колян. – За это грех не выпить. А про бога – забудь на время. Ничего он не увидит.

– Мой бог все видит. Он смотрит моими глазами.

– А ты пей с закрытыми глазами, – посоветовал хозяин. На это джинну возразить было нечего.

...Пробухали всю ночь: двум представителям разных цивилизаций было о чем поговорить.

Уже под утро, когда кончился «Галуаз», Колян поддался на уговоры джинна и отведал его курева. И почувствовал себя маленьким, словно бухой тараканчик, забившийся в щель под плинтусом. Внезапно совсем близко завывала полицейская сирена. «Шухер!» – завопил Колян и спрятался в курительный прибор. А джинн с перепугу полез в бутылку. Так они там и остались.

С тех пор английский первач называют «джином», а курительный прибор – «кальян», – так на Востоке произносится имя Колян. А если вы в этой истории видите анахронизм, мол, как могло случиться, что вещи старые, а названия – нынешние, не торопитесь делать выводы, поинтересуйтесь лучше, который теперь год, например, по мусульманскому календарю. Время – тонкая вещь, особенно на Востоке...

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

Визит

– Ну, Васенька, что же нам, на коленях просить? У тебя есть диплома палача, тебе можно. Ну не могу я Сурскому сына отдать казнить. Он не палач, он сволоочь и пьяница. А сами мы слабые, рука не поднимается на родное.

Вот и ладно, век тебя будем помнить! На усыновление вот, документы, на, подпиши. С Законом-то я согласен, мы согласны: кто родил, тот и должен казнить, раз преступника воспитали. Уж вытянул он из нас жилы. Тишкины-то, да и многие теперь так делают, записывают палача в роддоме третьим родителем. Потом горя не знают: он и родитель, ему и жизни лишать. А тогда-то как-то не так было.

Спасибо, Вася, и чай у тебя хороший. Когда казнить приедешь? Суд до 30-го приказал. 28-го? Вот и хорошо, я расстегаев напеку, как ты любишь. Храни тебя бог, Вася!

ЕЛЕНА ЧЕРКАШИНА

Три ангела

Три ангела спорили, кто приносит людям больше пользы.

– Мои крылья, – гордился первый, – могут донести меня в любую точку пространства с невысказанной быстротой, и человек тут же получит помощь.

– Я умею опуститься глубоко, как никто другой, – молвил второй, – и поднять со дна ада самого отчаянного грешника.

А третий молчал. Он недавно стал ангелом, и хвалиться ему было нечем.

– Ну, что же ты, – вопрошали друзья, – скажи что-нибудь!

Он вздохнул, и вдруг все увидели, как его крылья начали медленно таять. Голубое пламя лизнуло тонкий узор перьев, они сгорали, но лишь улыбка была на его устах.

– Что это? Что? – всполошились друзья.

И тогда он сказал:

– В мире появился человек, который хочет научиться летать. Я дал ему крылья.

ВАДИМ ИСАЕНКО

Откуда ноги растут

Жил-был нолик, и жила-была единичка. И вот однажды они встретились.

– А давай помножимся, – предложил нолик.

– Ты что? Меня же тогда не станет, – ответила единичка и добавила:

– Может, лучше сложимся?

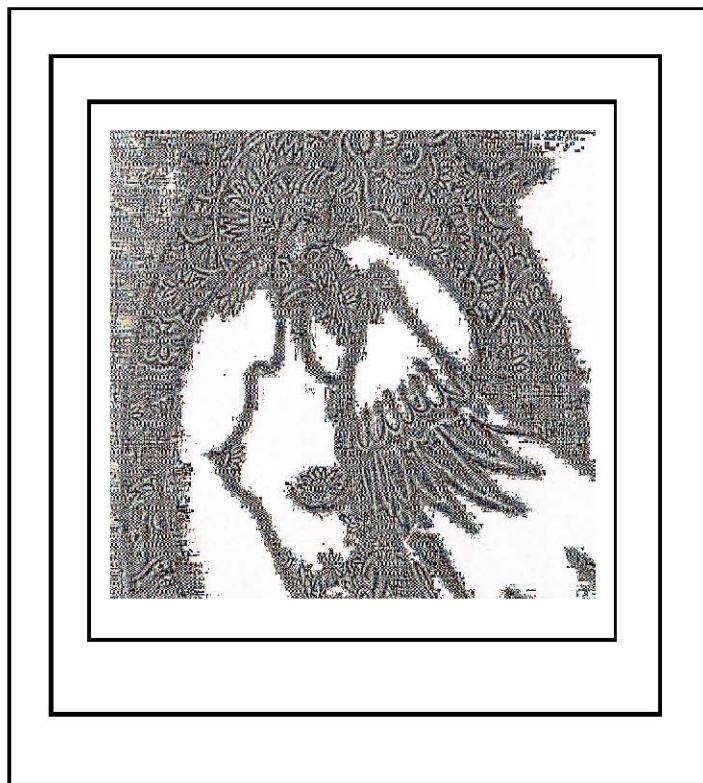
– Тогда не станет меня, – парировал нолик.

Поразмыслив так ещё немного, они пришли к выводу, что делиться, вычитаться, возводиться и извлекаться им тоже не стоит сообща.

– Что же нам делать? – спросил в отчаянии нолик.

– А давай просто будем вместе, – предложила единичка.

И с тех пор они неразлучны. Меняются местами, повторяются, сочетаются, комбинируются. Создают себе подобных, а на свет появляются творения их совместности: тексты, звуки, изображения, видео. И они будут всегда, пока есть нолик, пока есть единичка и пока они вместе.

Кино по кругу

Что бы сегодня посмотреть? Настроение было как раз для старого классического кино. Перебирал, сомневался. Возле кинотеатра вариантов осталось два: «Огни большого города» и «На гребне волны», и то, и то хотелось посмотреть. Однако вредно смотреть больше одного фильма за раз. И по фильму в день тоже нежелательно, но разве удержишься.

В конце концов, уже сидя перед монитором, выбрал «На гребне волны». Опустил на голову шлем мемомоблокатора и включил просмотр.

Началось: один герой стрелял по мишеням под дождем, другой катался по волнам на доске. Вспомнить, кто это такие, и что будет дальше, не удалось, хотя старался добросовестно. То есть, работала блокировка, и можно было наслаждаться фильмом, как будто смотришь его впервые в жизни. Однако наверняка уже видел и остался доволен, иначе зачем бы пришел в этот кинотеатр?

Подняв шлем, не сразу ветал с кресла – дождался, пока вернется память о прошлых просмотрах. Все-таки не зря платит за свежее восприятие, смотреть «На гребне волны», зная, что будет дальше и чем закончится, вообще нет смысла. Особенно сцену, где агент ФБР прыгает с самолета без парашюта, чтобы догнать в воздухе главаря банды. Каждый раз дыхание перехватывает! Хотя все же неодинаково воспринимается, но тем интереснее сравнивать впечатления от разных просмотров!

Выйдя из кинотеатра, с удовольствием сопоставлял. Фильм всегда нравился, жалко было, что закончился, но запоминался то стрельбой и погонями, то серфингом и парашютными прыжками, то шуточками. В прошлый раз главаря банды хотелось придушить, в этот, наоборот, посочувствовал ему... Или в прошлый? А, да, сочувствовал и в этот, и в прошлый, а придушить хотел в позапрошлый... Или в этот?

Вдруг обнаружил, что не туда забрел, никогда не видел таких вывесок. Хотя дома, вроде, знакомы... А деревья почему-то в зеленых листьях, а не с голыми ветками в сосульках и снегу. И листья должны быть не зеленые на деревьях, а желтые, прилипшие к мокрому асфальту!

Так, надо успокоиться, взять себя в руки и идти домой. Но почему так легко одет поздней осенью?! И зачем домой, если собирался в кино?!

– Вот, забирайте, – полицейский кивнул в сторону человека, который скрючился и дрожал на скамейке для посетителей. – Посреди улицы подобрали. Из кинотеатра шел – того, где память стирают.

Врач и санитар взяли человека под руки и повели к машине. Он не сопротивлялся, только бормотал сдавленно и перепугано: «Где я?! Когда я?!»

От укола притих, расслабился. Но в себя не пришел, плохо дело.

– И охота им своими мозгами рисковать, – удивлялся санитар по дороге в клинику.

Шофер согласился:

– Давно пора запретить эти кинотеатры.

Но врач возразил:

– Если запретить, то неизбежно начнут блокировать память подпольно.

Таких вот пациентов будет тысячи, а не единицы, как сейчас.

Санитар задумчиво заметил:

– А соблазнительно. Мне – не кино, мне бы песню одну послушать, чтобы как в первый раз, чтобы снова тот холодок пошел. Не рискну, потому как посмотрелся, а так бы, честное слово, не удержался. Так просто не удержишься.

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

Горель с леденцами

За окнами кабака воеет выюга. Внутри парко, душно, дымно. Пахнет чесноком, спиртом и потом. Тапер под звон кружек играет на фисгармонии «Расскажи снегурочка, где была».

Двери скрипят. В клубах пара входят двое. Идут к стойке, стаскивают с плеча карабины. Снимают зипуны, малахай, защитные очки. Один – рябой, с рыжей бородой. Второй совсем малец – белесый пух по щекам:

– Тепло ль те, бапошка?

Кабатчик, протирая кружку полотенцем, кивает:

– Знамо, согреваэ. Тебе тепло ль?

– Горели бы, – басит молодой. – Продрогли.

Кабатчик разливает:

– Али скитальщики?

– Охотники. С-под пятнашки сутки хрустим.

Опрокинули по стопке. «Еще!» За окнами воеет метель. Тапер наяривает «марш снеговиков».

– Сморозили ково?

– Мохнача, отец.

Кабатчик крикает. Разговоры смолкают. Тапер, прекратив играть, самокрутку отцепил от губы, ушанку заломил:

– Брежете, отморозки!

– Инея! – хмыкает рыжий. – Скользни, сам глянть! Здоровый зверюга – еле трос берет.

Зипуны хватают, на пургу спешат – глядеть заметаемую поземкой рыжебурую тушу, притороченную к вездеходу:

– Гля, Фрол, не намели! Впрямь мохнач!

Кабатчик кулаком об стол: «Угощаю!». Тацит пирог с ягелем, киселя тимьянного, медвежье жаркое, пряников смоляных.

– Леденцов бы, батя, – улыбается младший. – У мохнача-то гон нынче. Как вылез – росту немерено! Бивней полдюжины! Трубит! Думаэ, все – сугроб!

– Не на тех напал, – рыжий опрокидывает рюмку.

– Чем слепили-то, братва?!

– Гранатой, – смеется молодой. – Ветер знаэ, как вышло! Свезло.

– Ай, снежно!

– Ну, дела!

– Мохначей лепим, ты подумай!

– Так, наледь, и Мороженщика словим, – ржет тапер. – Да подледную субмарину, ы-ы-ы!

– Снега ли! Еще и лето вернется, – скалится кабатчик. – Кончай мести! Давай любимую мою сыграй, про снежинку!

Гуляет народ, кружками звенит.

Окрест простынями полей, искристыми льдами, хвойными дебрями раскинулась земля родная. Дремлет под вой выюги. Бродят твари, берут случайных путников. Треск, выстрелы, рев, вой, крик – забирает Пурга.

Хороша ли, плоха – а своя. Другой нет.

Возмездие носит красный

Луг пахнет травяным чаем – терпкой смесью шиповника, ромашки, мяты и гибискуса. На высоких сапогах серебрится роса. Холодок забирается за ворот свитера. Скоро рассвет. Я иду по свежему следу. Времени мало.

С тихим всплеском крыльев из зарослей багульника взлетает тетерев. Он чувствует – на лугу охотник. Напрасно боится: я пришел не за ним.

Сасквоч уходит в горы. Сполна вкусив свободы и человечины, возвращается к своим. Чтоб затаиться. Раствориться в стылом сумраке. До следующего Равноденствия. Когда древний зов вновь поведет к людям.

Иду по следу вторую неделю – потерпел крах. Он преуспел. Удалось ускользнуть. Почти.

В сказках все иначе. Никогда не был фанатом Шарля Перро. Мой любимый писатель - Гофман. Но историю про девочку и волка я затвердил, еще толком не научившись читать.

Охота на сасквочей – наш семейный бизнес. Отец, дед, прадед... Ходили по следу человекозверей по всему глобусу. На Тибете их зовут йети, в Непале – гулей-бани. В штатах бигфут, в Якутии – чучунаа. Шишига, жэньсюн, гиркычавыльин, какундакари...

Пирожки, горшочек маслица. Домик за мельницей. Веребочка на двери. Жалобный стон. Простуженный бас. Большие руки. Большие глаза. Охренительно большие зубы.

Мы не в сказке. Но чтим традиции.

Закидываю «калашников» за спину. Дед предпочитал «браунинг» 12-го калибра. С тех пор сасквочи сильно изменились. Стали хитрее, сильнее, злее.

Остановившись у сосны, достаю фляжку. Делаю глоток охотничьего чая - терпкая смесь рома Stroh, гвоздики, меда и красного вина. Прячу фляжку, сдвигаю по ремню ножны с никкером, застегиваю куртку, поправляю вязаный красный колпак.

Дань традиции. Мы чтим их. Чтут и наши соседи. Кровавые визиты на Равноденствие – их ритуал. Не мы это начали. Не нам заканчивать.

Сказки кончаются хорошо. Вовремя подвернувшиеся дровосеки. Вспоротое брюхо. Воссоединение с семьей.

Любимая, скоро встретимся. Едва я исполню долг крови. Если повезет. Охота на человекозверя, фамильное дело. Иногда они оказываются хитрее и злее.

Ничего не поделаешь. Мы не в сказке.

ВОЗДУХЪ

АННА ГЕРАСИМОВА (УМКА)

Деньги можно подарить
Деньги можно потерять
Деньги можно прокурить
Деньги можно прокирять
Можно их закинуть в речку
И проездить на такси
А можно просто бросить в печку
Как ведется на Руси

Чтоб привести тебя в себя,
Достаточно меня.
А чтобы вывести тебя
Опять обратно из себя,
Достаточно тебя.

Внутри тепло, стекло и запотело
И на стекле читаю по складам:
Отдам все тело тем, кого хотела,
Но только лиры милой не отдам.

Привет пошлю я, став старухой,
Мужам ученым и мадам:
Рюмашку хлебушком занюхаю
И дневники свои издам.
И долго буду им любезна я,
Седая старая карга,
Пока висит еще над бездною
Моя последняя нога.

Свобода стала роком
Свобода стала раком
И вот, забытый Богом,
Скитайся по клоакам
С осыпавшимся маком
В опущенной руке
И Джеком Керуаком
В потертom рюкзаке

Я вижу сверкающий лед
И острых отрогов оскалы
Вот наш небольшой самолет
Упал и разбился о скалы
А я ничего не боюсь
Мне нечего больше бояться
И если сейчас разобьюсь,
Все ангелы будут смеяться

Ты меня не любишь больше
Ты меня не любишь меньше
Ты меня вообще не любишь
Если раньше и любил
Ну а я тебя любила
То ли больше, то ли меньше
То ли как-нибудь иначе
Но, наверное, не так

Руки в твоей и моей крови.
Комаров
Убиваю в палатке.

Пока тебя нет
Из меня поспешно
Вылезают стишки

Забытая в метро тетрадка —
Зародыш мирового беспорядка.
В шкафу кассеты не пойми какие —
Зерно вселенской энтропии.
А если все расставить по местам,
Глядишь, получится и Там?

Черви черти церкви червы
Запах смерти злые нервы
В сером небе страшный страж
Вертит черный карандаш
Пишет каменные вести
Пишет букву, пишет двести
Вот допишет до конца
И сотрет нас всех с лица

ФИНАЛИСТЫ КОНКУРСА

ЕЛЕНА ИВЧЕНКО

Ваша собака в прекрасной форме

Короткий зимний день, едва начавшись, уже клонился к вечеру. Солнце ещё цеплялось за ветки деревьев, но синие тени на снегу становились длиннее, и было понятно, что ежевечерняя битва светила с темной скоро снова будет проиграна.

Мы вышли пройтись перед ужином, дышали морозом, разглядывали бобриные следы, скользили по утопанной прибрежной дорожке, жалели нахохленных уток, слушали подступающий вечер...

Собака вылетела из-за поворота, стремительная, как меховая молния, встала вдруг перед нами – и, развернувшись в немыслимом кульбите, весело помчалась обратно, туда, где на дорожке уже показались эти двое. Пожилая элегантная пара, он – шляпа, пальто, трость, она – берет, пальто, непрактичные каблуки, – не спеша двигалась нам навстречу. Он поддерживал её под локоть, она смущённо посмеивалась, теряя то и дело равновесие на скользких участках. Смотреть на них было приятно: сразу думалось о том, что было бы неплохо и нам вот так лет через сорок – поддерживать и посмеиваться. Они шли и тихонько беседовали о чём-то. Собака же сходила с ума, носилась кругами, шалея от свежего снега, от тысячи тонких зимних запахов, – и, конечно, от близости тех двоих, которые были и наверняка будут рядом всегда, от возможности разделить с ними это пронзительное здесь-и-сейчаснее собачье счастье... Мы хихикали, глядя на собакины виражи и прыжки, и слегка недоумевали, почему старики вовсе не следят за этим чудным представлением, не умиляются, как умиляемся мы... Поравнявшись с ними, мы сказали им наше обязательное «bonjour» и продолжили путь вдоль речки.

Солнце закатилось, стало холодно, мы повернули назад и пошли быстрее, чтобы согреться. Увидели впереди знакомые силуэты: двое, медленно идущие под руку, и пёстрый пушистый шарик, летающий вокруг них по сложной собачьей орбите... Нет, это была какая-то совершенно неутомимая собака! Она то улетала далеко вперёд, исчезая из вида, то неслась обратно, счастливо размахивая ушами-флагами, то замирала неподвижно, то ныряла вдруг в сугроб, заливаясь неистовым лаем...

Нагнав пожилую пару, мы улыбнулись им, как старым знакомым, и Лёша, кивнув в сторону гарцующего пса, галантно заметил: «Ваша собака, месье,

как всегда в прекрасной форме?» Старик остановился, его спутница укоризненно посмотрела на нас. «Нет, месье, увы, наша собака умерла два месяца назад», – его голос прозвучал сухо, и любезная улыбка слетела с лица, как усталый осенний лист. Они церемонно кивнули нам и зашагали прочь по дорожке. Мы стояли на месте и смотрели им вслед: двое красивых, старых и медленных – и ещё один, неутомимый, маленький, пушистый... Не оставляющий следов на вечернем снегу.

СЕРГЕЙ ЧЕХИН

Древнейшая традиция

Нас послали на Ортанг с важнейшей дипломатической миссией. Цель поставлена довольно неоднозначная – выяснить причину экстремально высокого уровня жизни и социального развития у разумных рептилий. В свою очередь ортанги отправили на Землю небольшую делегацию, чтобы та указала на явные огрехи и ошибки общественного строя человечества.

Участники межпланетной дипмиссии ничего не знали об Ортанге – знатные умы Института ксенологии посчитали, что при этом условии впечатления от визита будут максимально яркими, и будет замечено то, чего не увидят учёные специалисты. В команду избранных счастливицков вошли: профессор социологии Дмитрий Боровик – коренастый, лысый, с огромной седой бородой; аспирант-культуролог Инна Морган – невысокая, стройная шатенка; доктор экономических наук Иван Яхов – собственно, я – блондин средних лет и телосложения.

Перелёт, если сей процесс можно так назвать, длился около двух секунд – ортанги с радостью подвезли нас в своём подпространственном крейсере. Едва трап откинулся – вся наша троица разом открыла рты. Удивляться, ей-Богу, было чему.

Перво-наперво, нас поразила превосходно сохранившаяся природа – даже в черте города. И это в двадцать втором веке-то! На родной Земле остались только крошечные островки леса в тайге и джунглях Амазонки, здесь же всё цело и пестрило настоящим, чистым хлорофиллом. Причём, растительности было значительно больше, чем домов – те редко стояли среди парков, парящих водопадов и летающих садов. Правда, малое количество зданий компенсировалось их невероятной высотой. Мне показалось, что верхушки ортангских небоскрёбов достигают космоса, столь велики они были. И меж этих исполинов летали воздушные суда, большие и малые, в отличном порядке – никаких пробок, никаких заторов.

– И аварий нет, – прошипел стоящий рядом Арлкан, проследив за моим взглядом.

– Как вы всего этого добились? – не выдержал я.

– О, – ящер махнул хвостом, – всё благодаря нашей древнейшей традиции.

– И в чём её суть? – поинтересовалась Инна.

– Если наш Верховный Вождь совершает хоть одну ошибку, даже самую маленькую и, казалось бы, незначительную – мы собираемся и забиваем его палками вместе со всем выводком.

Арлкан улыбнулся, хотя это больше походило на ехидный оскал.

– Иногда, – продолжил ящер, – приходилось забивать по пятнадцать правителей в год, но результат, как видите, того стоит. А теперь пройдёмте в Центр статистики, я продемонстрирую наши макроэкономические показатели.

– Не надо, – вздохнул Боровик. – Мы возвращаемся домой. Ваших дипломатов тоже можете отозвать.

– В чём дело? – инопланетянин выглядел ошеломлённым. – Мы чем-то вас оскорбили?

– Нет, – с горечью ответил профессор. – Ваши знания и опыт совершенно не годятся для нас.

– Что же, ваше право. Передавайте наши наилучшие пожелания господину Первому и Единственному Президенту Земли, да живёт он вечно!

НАТАЛЬЯ АДАМЕНКОВА

Они подождут

Два андроида прочёсывали широкую равнину с густыми зарослями, в которых кто только не копошился. Отстреливаясь бластерами от крупных тварей и отплёвываясь ядовитой слюной от мелких, они кляли Людей, наделивших их столь уязвимой нервной системой.

Добравшись до холма, бойцы остановились у подножия. Коротышка Во заскулил:

– Я поцарапан. Мне так плохо, что хуже и не бывает.

– Бывает, – возразил Рэн. – Страшнее тварей – нытики, с которыми приходится работать.

Во не обиделся. Он задумчиво смотрел на вершину холма.

– Давай всё-таки заберёмся на тот уступ. Сверху мы быстро утомим самых неутомонных.

Рэн в который раз возразил:

– Мы степняки. Холмы не для наших...

Но Во уже карабкался вверх, забыв о царапинах. Рэн замер в ожидании непоправимого. Если бы не окрик Во, огромный синебрюх раздавил бы его. С перепугу Рэн пальнул в наглые глаза твари из шести стволов.

– Справа второй, – крикнул с уступа Во и пополз на вершину.

По наводке коротышки Рэн уложил ещё двух хищников. Срезал с трупов уши и обернулся к напарнику.

– Лихо получилось, – признал Рэн. – Слезай. Пора возвращаться.

– Поднимайся ко мне, – позвал Во. – Тут отличная связь с космосом. Я слышу Людей!

– Не лудохульствуй! – возмутился Рэн и подмагнитил святотатца.

Новый способ охоты понравился Рэну. Вскоре их коллекция ушей стала богатейшей в племени. Самые функциональные особи уже не смеялись над Коротышкой Во, а на Рэна смотрели как на будущего вождя.

Друзья не делились секретом своей удачливости. Во-первых, никто не спрашивал; во-вторых, вершины – это обитель незримых, всемогущих и, вероятно, злопамятных Людей, а потому подъём на холмы в племени степняков считался кощунством. За такое могли утилизировать с особой жестокостью или послать в загон для гиперсенсорных.

Вскоре друзья уже не представляли своего существования без голосов Людей. И хотя они мало что понимали, но кое-какие обрывки сложились в итоге в страшную картину:

– Кажется, Люди создали нас для чистки планет от разных тварей, – сказал Во.

– Милосердные Люди! – воскликнул потрясённый Рэн. – Этого не может быть! Нам не дано это знать, ибо неисповедимы пути Людские. Истину говорю тебе – кончай лудохульствовать!

Но Во разошёлся не на шутку:

– Люди тоже не венец творения. Их создали Боги.

– Зачем? – удивился Рэн.

Во посмотрел на бордовый небосвод с яркими звёздами и поделился догадкой:

– Помнишь, кто-то из Людей сказал: «И на Марсе будут яблони цвести»? Боги создали людей для обустройства новых планет – дивный пейзаж с бассейном и прочие расслабухи.

Рэн недоверчиво хмыкнул.

Рэн недоверчиво хмыкнул.

– А для чего мы пришли в этот мир?

– Людям лениво бодаться с динозаврами и прочей пакостью. Они поручили это нам, – сказал Во.

– Даже мне лениво, – оценил Рэн мудрость Людей.

– Но Люди куда чувствительнее нас. Им, наверняка, нужна бездна времени, чтобы превратить планету-сорняк в планету-сад для ещё более изнеженных Богов, – мстительно заметил Во.

– Значит, у Богов сплошной облом? – обрадовался Рэн.

– Увы, – вздохнул Во. – Боги живут вечно. Они подождут.

ОЛЕГ КРЫМОВ

Глобус

За дверью раздался возмущенный крик секретаря, и секунду спустя Бартоломью без стука ввалился в мой кабинет. Я оторвался от изучения трудов досточтимого Мигеля Анхеля Лопеса Хаена и с удивлением посмотрел на него: для застенчивого юноши это было не характерно. Значит, случилось что-то действительно неординарное.

– Учитель, простите меня... но мне... мне срочно надо поговорить с вами... – Бартоломью безуспешно пытался отдышаться.

– Вот как? И о чем же?

– Вы помните мою теорию? Ну, о том, что Земля имеет форму шара?

– Ты опять? Что, из-за этого надо было вот так вламываться? Я уже тысячу раз говорил тебе...

– Учитель, но теперь у меня появился шанс проверить ее!

– ... полная чушь. Что?!!

– Капитан Фернанд Мак Келлан, он думает так же, как и я, у него есть старые карты, и записи, и наши, и с Востока, и он собирается отправиться вплавать вокруг света, – юноша тараторил без остановки, словно опасаясь, что я перебью его. – Он обещал взять меня с собой, мы поплывем на запад и, если мы правы, то вернемся обратно, но уже с востока.

– Хорошо, допустим. Кстати, а что это у тебя? – Бартоломью держал в руках какой-то круглый предмет.

– Это модель нашего мира... ну, как мы его представляем. Фернанд назвал его глобусом. Мы сделали его сами на основе карт и записей и собираемся дополнять и исправлять во время путешествия.

– Занятно. Бартоломью, но что ты хочешь от меня?

– Благословения, – смущенно пробормотал юноша.

– Что? Ты хочешь, чтобы я благословил тебя? Но ведь я не твой отец, и даже не духовный наставник... – Я задумался. – Что ж, я польщен. Понимаешь, я ученый, я верю фактам, и я знаю, что наша Земля плоская, как шутки профессора Воландри. Подожди, не перебивай. Но я не могу заставить тебя поверить в это, я не священник. Ты должен сам убедиться в своей ошибке. Или убедить меня, что я ошибаюсь. Поэтому, я благословляю тебя, друг мой, и пусть удача всегда будет с тобой.

Обрадованный Бартоломео горячо поблагодарил меня и пулей вылетел за дверь.

Я покачал головой, потом отодвинул кресло и подошел к полкам, на которых хранили многовековую мудрость толстые тома. Но помимо книг, здесь стоял еще один предмет. Бронзовая перекрученная лента причудливой формы, подаренная мне много лет назад самим профессором Мобусом. Истинная модель Земли.

Да, мой юный друг, я благословляю тебя, потому что знаю, что ты отправишься в путь и без моего благословения. И я верю, что ты вернешься домой с победой. Но вот как убедить тебя, что твоя победа ничего не значит, что наш мир все-таки плоский, просто плоскости бывают разными?

Я не знаю. Пока не знаю. Но у меня будет время над этим подумать.

ЭДУАРД ШАУРОВ

Тр-р-р-р

*Мастеру веселых миниатюр,
Даниилу Хармсу посвящается*

– Я совершил открытие, которое перевернет мир, – сказал Кулонников и налил себе водки в граненый стакан.

– Врёт он всё, – сказал Поползнев.

– Врёт и не краснеет, – поддержал Тёркин.

– Он даже краснеть не умеет! – закричал Шершавский.

– Я вру?! – рассердился Кулонников. – Да если хотите, хоть завтра пойду в патентное бюро и получу патент на открытие!

– Так его тебе и дали, – улыбаясь гнилыми зубами, сказал Фрикинзон и закусил водку огурцом.

– Теперь паровозы будут ездить без дров, – пообещал Кулонников.

– Ха-ха-ха! – сказали Тёркин, Шершавский и Фрикинзон.

– Ах, так! – совсем рассердился Кулонников.

Он отодвинул ширму и показал всем машину с трубой и множеством колёсиков самого разного размера.

– У трамвая тоже есть колёсики, – сказал Поползнев.

– Вот, я вам покажу, – горячился Кулонников. – Моя машина создает силу антитрения.

– Антитрения! – передразнил Поползнев.

– Вот возьму и поверну колёсико на два деления, – пригрозил Кулонников.

Он так сильно рассердился, что и вправду взял да и повернул колёсико с цифрами аж на два деления.

– А ну-ка, хватайся за веревку! – приказал он обидным тоном.

Поползнев, ухмыляясь, взялся за лохматую веревку, свисавшую с люстры, и немедленно взлетел по ней к потолку, точно подброшенный пружиной. При этом он так треснулся лбом о штукатурку, что голова его разлетелась вдребезги.

– Мапочка! – закричал впечатлительный Тёркин и от испуга тоже схватился за веревку.

Хрясь! Разлетелась голова Тёркина.

– Милиция! – хором закричали Фрикинзон и Шершавский.

– Караул! – закричал изобретатель.

Он хотел повернуть колёсико назад, но слишком сильно сжал пальцы. Колесо, как пропеллер самолета, крунулось аж на десять делений вперед.

Стаканы, разгоняемые трением покоя, помчались по матерчатой скатерти, будто ракеты.

– Ай! – закричали Шершавский и Фрикинзон.

Шершавский бросился животом на пол, и его тут же понесло по истертому паркету, а потом с размаху стукнуло о кирпичную стенку.

«Мама!» – подумал Фрикинзон, но в это время летящая тарелка оторвала ему голову.

Безголовый Фрикинзон закрутился вместе со стулом, словно ротор динамо-машины, а мимо него на всех парах катил через комнату изобретатель. Он размахивал руками и упирался в пол подошвами ботинок, но чем сильнее он упирался, тем скорее его катило к открытому окну, выходившему на Литейный. У самого проема изобретатель вцепился в подоконник. Еще не запатентованная сила так рванула его вперед, что он вылетел из окна, как пробка из бутылки с шампанским и полетел над электрическими проводами.

По Литейному, мигая стоп-сигналами, неслись задом наперед таксомоторы. Дворники в калошах мчались, сталкиваясь с белоснежными милиционерами.

Кулонников летел вперёд, все более разгоняясь из-за антитрения с воздухом. Он чувствовал, как замерзают, покрываясь инеем, его нос, макушка и щеки, но ничего не мог с этим поделать, поскольку машины, управляющей термодинамикой, пока еще не изобрели.

НАТАЛЬЯ МАРКЕЛОВА

Последняя сказка

– Я думаю, на земле нет ни одного человека, который бы не знал этой новости. Единственной новости, которая волнует всех и каждого. Но я вынужден ещё и ещё раз напомнить вам, уважаемые телезрители, что вскоре астероид Зевс столкнётся с Землёй. А точнее, это произойдёт через один час сорок шесть минут и три секунды. Пока я говорил, до столкновения осталось ещё меньше. Кто же быстрее летит: время или Зевс? На этот вопрос мы с вами уже не найдём ответа, времени не хватит, – телеведущий усмехнулся и указал на лежащие перед ним на столе зеленые горошины. – Ну что ж, господа и дамы, пора принимать лекарство. Нам уже неоткуда ждать спасения, всё, что мы можем, – это умереть безболезненно и легко, – он взял таблетку и проглотил. – По нашим данным, яд уже получили абсолютно все, его даже раздавали бездомным. Наконец-то стёрты различия между людьми...

– Да уж, перед смертью все равны, – я выключила телевизор и посмотрела на стол, где лежали таблетки для меня и дочки, но на столе была только одна горошина.

– Я уже приняла лекарство, – Иришка сонно потёрла глаза, – в школе сказали, что родителям будет тяжело дать яд детям, поэтому мы должны выпить сами.

– Что они ещё сказали?

– Что мы все умрём. Можно, сегодня я лягу спать с тобой?

– Конечно, родная.

В комнате было темно, мы лежали, тесно прижавшись друг к другу.

– Mam, расскажи сказку.

– Сказку?

– Да, и пусть она будет самая лучшая. Она же будет последней.

Я едва сдержала слёзы.

– Ну что же, слушай, цыплёнок, – я предательски хлюпнула носом. – Завтра утром мы проснёмся ровно в семь. Я приготовлю завтрак и соберу тебя в школу. Мы побежим на остановку, влезем в переполненную маршрутку...

– А в школе Витька опять будет дёргать меня за волосы.

– А мне за опоздание сделает выговор директор.

– И, конечно, вечером мы будем смотреть кино. И ты поможешь мне делать уроки.

– Обязательно.

– Мам, это самая лучшая сказка, – Иришка закрыла глаза. Я поцеловала её в лоб и вышла на балкон, стараясь не думать о том, что моей дочери больше нет.

На столе одиноко осталась лежать зелёная горошина.

На соседнем балконе, опершись руками о перила, стоял старичок.

– Сегодня восхитительно красивое небо, – улыбнулся он мне.

– Смертельно красивое, – вздохнула я, – вы ведь тоже не приняли отраву.

Почему?

– Знаете, последнее утро всегда приходит так неожиданно. Пропустив всю жизнь, я не хотел пропускать это утро.

Я кивнула, все сказки имеют свой конец.

МАКСИМ ЧЕРЕПАНОВ

Горящий тур

– По-ожалуйста ми-инеральной во-оды. И суха-ариков.

Я взял купюру, протянутую женщиной сквозь решетку в окошке, и провел ею по сканнеру. Снаружи мое логово выглядело заурядным круглосуточным киоском в плохом районе: черное листовое железо, зев норы для передачи денег и товара, более ничего. Внутри следовало ожидать завалов из ящиков с дешевым пойлом, чипсами и прочим ширпотребом, однако гораздо больше окружающее меня пространство напоминало кабину самолета: экраны, пульта, голограммы.

Перевалочный пункт «Галактических путешествий» на планете Земля.

Сканер мигнул зеленым, и ближайшей монитор изобразил истинный облик стоявшей передо мной женщины – трехметровый синий четырехглазый гуманоид. Доминирующая раса Сириуса. С этой всё понятно – возвращается домой из туристического путешествия.

Молча я протянул сдачу. Покупательница прикоснулась к ней и с легким хлопком исчезла. Доброго пути.

Ночь выдалась спокойной. Кроме сириусянки, час назад я отправил на Титан семейство с Бетельгейзе, прибывшее на отдых в биоскафах, имитирующих мух. Метан-этановые озера и суровые, –170 по Цельсию, для этой братии – как белый песочек и теплое море для нас. Эх, а хорошо бы сейчас в отпуск...

– Полторашку пива «После работы». Нет, две. И пачку «Кента».

Ужас, какой перегар. Этот наверняка местный. Но на всякий случай я проверил его банкноту – обыкновенные деньги. Черт, и где же у меня эта отравка?

– Погодите минутку.

Пока парень мялся у окошка, я от нечего делать провел его полное сканирование. Приятная внешность, и глаза не пустые, что сейчас редко встретишь. Вместе с тем – хроническая интоксикация этанолом. Прогноз негативный. В течение трех лет – цирроз печени и смерть. Жаль...

– Долго еще?

– Сейчас.

Ментальное сканирование. Одиночество, хроническая депрессия. Расставание с девушкой. Первый запой, отчисление из института.

И я решился. Это может стоить мне теплого места, но...

– Ваше пиво.

Парень коснулся бутылки, затем его глаза расширились и с изумленным воплем он исчез.

На Алькоре-4 душистые леса, прозрачные озера и дружелюбные туземцы, генетически совместимые с нами. Жизнь проста и сурова. Уверен, ему всё там понравится.

Кроме того факта, что на всей планете нет ни капли алкоголя.

АЛЕКСАНДРА КАРНЕЕВА

Лестница

Конечно, у нас были идеи. Предположения. Мы ведь разумные существа, Венец Мироздания, Итог Великих эволюционных мук – Свет Разума, просиявший во Тьме Бескрайности. Мы и предполагали, строили, как говорится, гипотезы о том, Кто и Когда создал или сотворил Её.

Каменная, с краплениями Звёздного Неостывшего вещества, Лестница

винтом соединяла верхний правый и нижний левый углы мироздания. Под ступеньками, искрошенными мириадами лет, кое-где неподвижно висели звёзды и планеты. Монументальная мощь лестницы всегда поражала их. Вверху и внизу ключья паутины свисали с крепежей.

По бокам Лестницы помещались каменные плиты примерно одинакового размера. Размещались они, на первый взгляд, произвольно. Но если приглядеться с одной из ступенек, порядок был очевиден. Плиты (с домами) выстраивались в улицы по форме той же Лестницы.

Полные благожелательного любопытства, мы исследовали Вселенную. Пробурили дыры во всех шести стенах – и что? Внизу обнаружили подпол-подвал, довольно опрятный, с проводами и парой тусклых звёзд. Бурение стен ничего не дало – звёздное вещество, активно выделяющееся при соприкосновении с буром, восстанавливало стену. Через потолок выбрались в опрятнейший чердак с двускатным куполом. Слуховое окошко вывело на крышу – с черепицы, вполне сохранившейся, открылся вид.

Безрадостная, но оттого не менее красивая картинка: равнина под серым, низким, будто движущимся, потолком и, ближе к обрушившемуся горному хребту, гейзером. Из серо-зелёного болотца, источавшего резкий запах, взлетали пузыри. Впоследствии детишки изрядно поразвлекались с ними, поддевая их когтями – пузыри презабавно лопались, будто лампочки – причём на мгновение в серебристом воздухе долины возникали из ничего картинки, разнообразные и удивительные.

Так мы покорили Космос, преодолев границы Вселенной. Это, конечно, не сразу сделалось. Рассказывать быстро, но понадобилось изрядно времени. Потолок Большой Коробки – так мы окрестили пейзаж вокруг Дома – оказался непробиваем. Какое-то пахучее желе. Полуобрушенная стена на Востоке всё время отодвигается, и мы пока её не исследовали...

Что касается болотных пузырей, мы их изучаем. Если взглянуть, как следует, внутри видны светящиеся точки, и они движутся. Теперь мы не разрешаем детишкам играть с ними. Мы, так сказать, сами играем с ними.

Да, мы научились выдувать эти пузыри. Теперь осталось решить единственную задачу – проникнуть внутрь... Эти штуки страшно тяжелые, и фотографии, сделанные при взрывах, показывают странную картину...

Там нет Лестницы...

ВИТАЛИЙ СЛЮСАРЬ

И много-много радости...

Дети не давали покоя учительнице с самого утра.

– А он точно придёт?

– Когда?

– Он будет настоящий?

Она отвечала, что, конечно, придёт, очень скоро, и будет, разумеется, самым настоящим.

Полковник слушал всё это и хмурился. Ему с самого начала не нравилась эта затея. Но Таран умел быть убедительным. «Прикинь, – говорил он, – мы третий год уже сидим в убежище. Эти двенадцать детишек – всё будущее, какое у нас есть. И что они видели за три года? Сырые коридоры? Лампочки вполнакала... и то не везде? Смерть и безнадёгу? А им нужен *праздник*, понимаешь?» Полковник понимал.

Той же ночью Таран ушёл на поверхность, пообещав вернуться к тридцать первому... и вот уже третий день от него не было ни слуху, ни духу. Конечно, сталкер он опытный, жизнью и войной тёртый... да только и опасностей наверху немало. Радиация – даже не самое страшное по нынешним временам. Куда опаснее вечные сумерки «ядерной зимы», мороз под минус сорок да ураганный ветер... В такую *погоду* даже банды мародёров затихарились.

Поначалу Леночке удалось отвлечь детишек вырезанием снежинок. Потом они занимались украшением комнат и коридоров. Получилось неплохо. После уроков (занятия никто не отменял даже по случаю праздника) рисовали. Почти у всех Дед Мороз оказался одет вместо тулупа в стандартный армейский ОЗК и противогаз.

На ужин полковник распорядился выделить детям из НЗ немного шоколада и сгущённого молока – праздник как-никак.

Детишки ждали Деда Мороза до последнего, но мало-помалу их энтузиазм сходил на нет, младшие уже откровенно клевали носом. Когда стало ясно, что Таран не успевает, учительница тихонько отвела ребят в спальню.

Полковник остался ждать, жалея, что завязал с курением сразу после БЭПэ. Сейчас самое время смолить сигарету за сигаретой...

Сигнал с внешнего поста наблюдения поступил тогда, когда полковник был уже почти уверен, что Таран больше не вернётся. Вообще.

Час спустя сталкер вышел после дезактивации из санпропускника. Медичка Карина успела смазать места обморожений на лице какой-то мазью, однако улыбался он на все тридцать два.

– Вернулся, чертяка! – выдохнул полковник.

Не просто вернулся, ещё и приволок с собой «хабар»...

Когда развернули брезент, когда разрезали путы, зелёная красавица робко расправила ветви, а потом от неё начал распространяться терпковатый свежий аромат. Стоило вдохнуть – и в памяти всплывал звон бокалов, оливье, бой курантов... Воспоминания из чужой жизни.

– Где ж ты раздобыл такое чудо? Она даже не фонит!

Сталкер осклабился.

– Места надо знать...

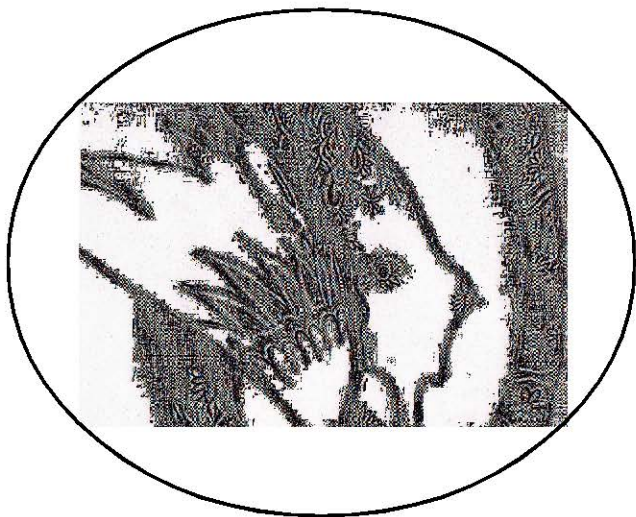
– А дети уже спят. Не дождались...

– Ничего, завтра скажем, что Дед Мороз ночью приходил, подарки принёс. Мешок я в тамбуре оставил. Игрушки, фломастеры... Не бойся, всё чистое, без фона, я проверял...

Какое-то время они молча смотрели на оживающую в тепле ёлку.

Полковник растёр между пальцев капельку живицы. Понюхал.

– Всё-таки хорошо ты это придумал. В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...

НЕОЧЕВИДНОЕ

СТАНИСЛАВА ВОЙЦЕХОВСКАЯ

Полярные широты в классическом хорроре: холод как страх смерти

Человек привык искать страх либо в привычном (это телевизионные помехи и белый шум, электронные письма с того света и зомби-апокалипсис в родном городе), либо в неведомом (это и морские глубины, и горные пики, и тропические леса, и космос). Если с первым мы и так знакомы, то второе вызывает вопросы: любые труднодоступные территории заставляют думать о том, что же именно они могут скрывать. Пусть на картах больше и нет участков с пометкой «Здесь водятся драконы», но тревога относительно неведомого все еще осталась в человеческом сознании. Что собой представляют Арктика и Антарктида? Удаленные, скованные вечным льдом, спрятанные за холодными морями и абсолютно недоступные большинству из нас пространства.

Полярные широты – нечто глубоко чуждое человеку. И эта чужеродность пугает. Все человеческие чувства работают не так, как надо. Зрение? Слепящая белизна. Одинаковые плоские пейзажи, где без приборов ориентация теряется очень быстро. Слух? Монотонно воющий ветер, готовый перерасти в бурю, который будет гнать ледяное крошево с такой скоростью, что оно станет обдирать краску с металла. Осязание? Беспольное явление, потому что голая кожа все равно быстро окажется обмороженной. Обоняние и вкус? Даже Руаль Амундсен пишет в своих дневниках:

«Снег Антарктиды не похож на обычный северный, он почти не блестит, вода из него получается совсем безвкусная, он безрадостен, как и сама Антарктида».

Теряют смысл и искажаются даже привычные элементы времени и пространства. Вместо времен года – непомерно растянутое время суток (полярный день и полярная ночь), больше похожее на инопланетные день и ночь, чем на земные. Вместо привычных сторон света – схлопнувшиеся в точку широты и меридианы.

Не остается вообще ничего привычного. Последний оплот обыденной картины мира – стены той базы, на которой временно живет человек. Но и они очень, очень непрочные по сравнению с тысячелетними льдами снаружи.

Что же фантастика? Разумеется, мимо такого явления авторы пройти не

могли. Монстр Франкенштейна, например, уходит прочь – к Северному полюсу, туда, где нет следов человека. Но если Мэри Шелли использует эти территории довольно поверхностно, то в виде глубокой метафоры впервые они фигурируют, пожалуй, у Эдгара По в «Сообщении Артура Гордона Пима» (которое было высоко оценено такими современниками как, например, Жюль Верн, написавший его продолжение «Ледяной Сфинкс»). Он говорит об одной из двух ключевых вещей, сопровождающих полярные широты. О всеобъемлющей белизне.

«Беспредельный водопад бесшумно ниспадал в море с какого-то далекого горного хребта, темная завеса затянула южный горизонт. Беззвучие, угрюмая тишина. Яркое сияние вздымалось из молочной глубины океана, сверху падал густой белый пепел, растворяясь в воде... Только ослепительность водопада проступала во тьме все более плотной. Гигантские мертвенно-белые птицы врывались в завесу с криками “текели-ли”. Нас неотвратно несло в бездну водопада. И тут на нашем пути возстал закутанная в саван человеческая фигура – ее размеры намного превышали обычные. И ее кожа совершенной белизны снега...»

Если боязнь темноты – это страх неизвестного, то белая бесконечность – жестокое и категоричное Ничто. Разрастаясь до таких масштабов, она перестает представлять собой чистый лист, ждущий заполнения. Она становится самодостаточным явлением, обесцвечивает и растворяет в себе остальное. А все прочее оказывается как будто выставленным на сцене. Если темнота может укрыть героев, сделать их незаметными и спрятать от опасности, то плоское белое пространство делает их мишенью.

Традиционно белый цвет в культуре кроме символа чистоты является также цветом смерти. Белые лилии кладут на могилу, от некогда живых существ остаются выбеленные временем кости, тяжелый больной теряет свои краски – бледнеет. Седые волосы постепенно становятся совсем белыми, и их белизна – тоже напоминание о приближении к концу пути (где человека ждет белый саван). Ирландская вестница смерти банши и славянская Мара традиционно представляются в белых одеждах, в белом же ходят и традиционные японские призраки – юрэй. Да и в целом призраки представляются как некие белые полупрозрачные фигуры. Живой мир традиционно имеет окраску, и исключения среди живых существ – альбиносы – также вызывали в обществе отторжение и страх, были диковинкой.

Второй аспект – это холод. Что он собой представляет? Тоже приближение к смерти. Если абсолютный ноль – это конец всякой жизни, конец движения

и полная статика, то понижение температуры – это приближение к статике и смерти. Мертвые тела теряют свое тепло. Холоднокровные рептилии многим людям кажутся более неприятными, чем теплокровные хищники. В конце концов, даже в аду Данте последний круг был не огненным, а ледяным, а зима традиционно воспринималась людьми как смерть природы.

«Хребты безумия» Говарда Лавкрафта – еще один пример из классики. Произведение является одним из ключевых для мифологии Ктулху, а Антарктида фигурирует как – ни много ни мало – первый дом Древних на Земле. Это отлично отражает человеческие опасения, касающиеся неведомых территорий: если неизвестно, что именно они скрывают, ждать от них можно чего угодно.

Но на этом благодатность почвы для допущений «а что, если?..» не заканчивается. Полярные широты – это еще и безвыходность в прямом понимании. Человек, попавший в этих краях в ловушку и не имеющий специальной техники, не покинет льдов. Если он на своей станции, он не может убежать куда-то еще, ведь снаружи – тоже верная смерть, пусть и иного рода. Клаустрофобия ограниченного пространства внутри встречается с агорафобией бескрайнего пустого холода снаружи. Обе они доведены до абсолюта.

«Террор» Дэна Симмонса, хоть и повествует о Северном полюсе, а не о Южном, не менее обстоятельно смакует всю безнадежность ситуации и враждебность окружающей среды на примере альтернативной истории экспедиции сэра Франклина, пытавшегося найти северный путь из Атлантики в Тихий океан. Сложно сказать, что в произведении давит на психику больше: преследующий команду паранормальный враг или же скрупулезно восстановленные проблемы людей, оставшихся лицом к лицу с холодом – обморожения, цинга, слабость и отчаяние.

Сейчас мы знаем о полярных широтах куда больше, чем современники Эдгара По и Жюль Верна, но все равно недостаточно, чтобы не строить фантастических допущений на эту тему. Человеческие города меняются, а земли на полюсах остаются неизменными. Антарктида все еще носит свой белый траур по привычному людям миру.

ПЕРСОНАЛИИ

- Адаменкова Наталья г. Саров.
Алфёрова Наталья г. Орск.
Андрощук Иван с. Михнов, Украина.
Бобылев Дмитрий г. Серов. Филолог.
Войцеховская Станислава г. Краснодар.
Гайдукова Людмила г. Алексин.
Герасимова Анна (Умка) г. Санкт-Петербург. Кандидат филологических наук. Рок музыкант.
Демидов Роман г. Ярославль. Журналист.
Дуров Алексей г. Киев, Украина. Химик-материаловед.
Ивченко Елена г. Тильф, Бельгия. Филолог.
Игнатъев Сергей г. Москва.
Исаенко Вадим г. Донецк, Украина.
Карнеева Александра г. Гурзуф, Крым.
Крымов Олег г. Белгород. Юрист.
Логичева Лера г. Санкт-Петербург. Маркетолог.
Маркелова Наталья г. Тверь.
Магушкин Сергей г. Гулькевичи. Художник-оформитель.
Михлик Александр г. Ильичёвск, Украина.
Панченко Андрей г. Советск.
Слюсарь Виталий г. Запорожье, Украина. Переводчик.
Франич Артём г. Краснодар. Филолог.
Черепанов Максим г. Челябинск.
Черкашина Елена г. Тверия, Израиль.
Чехин Сергей г. Белгород.
Шауров Эдуард г. Улан-Удэ. Член «Байкальского Союза Писателей».
Щетинина Елена г. Омск. Магистр истории.
Ядрихинский Геннадий д. Сокорово, Беларусь.
Яминска Надея г. Минск, Беларусь. Маркетолог.

